

УДК 930.2(477.54)«1813/1814»:929Цебриков(093.3)
ББК 63.3(4укр-4хар)5ю14
Ц29

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент **Б. П. Зайцев**
доктор исторических наук, профессор **Д. Н. Черный**

Редакционная коллегия:

Посохов С. И. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии (главный редактор);

Петровский В. В. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор выпуска);

Иващенко В. Ю. – кандидат исторических наук, доцент;

Куделко С. М. – кандидат исторических наук, профессор;

Павлова О. Г. – кандидат исторических наук, доцент.

Утверждено к печати решением Ученого Совета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (протокол № 9 от 30.09.2013 року)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, майдан Свободы, 4, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, ауд. 5-56, тел. (057) 707-52-51

Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков / сост., автор вступ. статьи и комментариев В. Ю. Иващенко. – Х., 2013. – 236 с. – (Серия «Джерелознавчі зошити»: Тетрадь 5).

В очередном выпуске серии «Джерелознавчі зошити» публикуются воспоминания известного российского переводчика, писателя, музыковеда Романа Максимовича Цебрикова (1763–1817) о путешествии из Петербурга в Харьков зимой 1813–1814 гг.

Данный выпуск будет интересен историкам и источниковедам, краеведам, всем тем, кто интересуется историей Российской империи, Слободской Украины и Харькова.

На обложке использована литография «Путешествие в кибитке» художника А. О. Орловского (1777–1832)

УДК 930.2(477.54)«1813/1814»:929Цебриков(093.3)
ББК 63.3(4укр-4хар)5ю14

ISBN 978-966-285-01407

© Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2013
© Цебриков Р. М., 2013
© Иващенко В. Ю., 2013
© Литвинова О. А., макет обложки, 2013

Публикация посвящается 50-летию кафедры историографии, источниковедения и археологии

О Романа Максимовиче Цебрикове и его путешествии

*«Я взглянул окрест меня – душа моя
страданиями человечества уязвлена стала.
Обратил взоры мои во внутренность мою –
и узрел, что бедствия человека происходят
от человека, и часто оттого только, что он
взирает непрямо на окружающие его предметы»
(Радищев А. Н. «Путешествие из Петербурга в Москву»)*

В 1790 г. было опубликовано «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, а через полтора десятка лет той же дорогой, но далее, через Москву на Харьков, проехал известный российский переводчик, писатель, музыковед Роман Максимович Цебриков (1763–1817). По возвращении к месту службы в Петербург Р. М. Цебриков записал свои впечатления от этой поездки в форме письма к старинному другу, проживающему в Киеве. По своей жанровой природе, содержанию и общему настроению записки Р. М. Цебрикова абсолютно несхожи с «Путешествием» «бунтовщика» А. Н. Радищева, но двух авторов роднит критическое отношение к российской действительности, а также схожий жизненный опыт – оба закончили Лейпцигский университет, по возвращении из-за границы служили в различных ведомствах, занимались литературной деятельностью, к тому же, по предположению ряда исследователей, были лично знакомы¹.

Роман Цебриков родился 1 (12) октября 1763 г.^{II} в Харькове в семье старшины казачьего полка Михаила Трофимовича

¹ Арзуманова М. А. Цебриков Роман Максимович / М. А. Арзуманова // Словарь русских писателей 18 в. – СПб, 2010. – Вып. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx; Татаринцев А. Г. Прототипы героев «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева / А. Г. Татаринцев // Русская литература. – 1972. – № 1. – С. 87 – 94.

^{II} Там же; в «Кратком извлечении из дневника жизни д. с. с. Романа Максимовича Цебрикова, составленном Константином Романовичем Цебриковым» (ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков. Т. 1, л. 135) указана другая дата – июнь 1862 г.

и Зиновии Андреевны Цебриковых. Ровно через два года, 1 октября 1765 г. отец умер, и на попечении матери осталось трое детей: 9-летний Иван, двухлетний Роман и дочь, «еще меньшая». Семья жила бедно, и «по неимению средств нанять батрака» дети сами «исполняли в доме всякую прислугу»^I. Мать видела сыновей ремесленниками, но обученный грамоте Иван поступил на службу в канцелярию губернатора. Начав карьеру копиистом, он вскоре «за хорошее поведение, здравый смысл, четкое правописание и прилежание к службе» был приближен к губернатору Слободско-Украинской губернии Е. А. Щербинину и сопровождал последнего в Санкт-Петербург, Москву, Крым, Азов и «за Азовскую крепость до Ногайских орд»^{II}.

В 1773 г. Ивану Цебрикову удалось устроить младшего брата Романа в «прибавочные классы» при Харьковском коллегиуме, которые в середине 1770-х гг. были реорганизованы в «Казенное училище» под руководством секунд-майора И. Кольбека^{III}. Там Роман Цебриков изучал закон Божий, арифметику, геометрию, артиллерию, фортификацию, историю, географию, учился танцам, рисованию, латинскому, французскому и немецкому языкам, а также играть на клавикордах, «что по хорошей его игре доставляло вход с молодых лет ... в лучшие дома»^{IV}. В это время семью поддерживал старший брат Иван, который с 1775 г. служил в Киеве в канцелярии генерал-губернатора Малороссии и президента Второй Малороссийской коллегии фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского.

Окончив с отличием классы майора Кольбека, Роман переехал в Киев, к Ивану Цебрикову, который мечтал отправить младшего брата для продолжения обучения за границу. В Киеве Роман Цебриков получает разнообразные предложения: быть помощником в «девичьем пансионе», поступить в духовное звание, а также «несколько предложений выгодных» жениться,

^I ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 135.

^{II} Там же, л. 135 об.

^{III} О «прибавочных классах» подробнее см.: Посохова Л. Ю. Харківський колегіум (XVIII – перша половина XIX ст.) / Л. Ю. Посохова. – Х.: Бізнес Інформ, 1999. – С. 97–100; Посохова Л. Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. / Л. Ю. Посохова. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. – С. 309–311.

^{IV} ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 135 об.

однако остается верен желанию брата «дообразовать себя за границей»^I. Выбирая между университетами Галле и Лейпцига, братья остановились на последнем, где, по словам проезжавших через Киев купцов и офицеров, «профессоры гораздо превосходнее первого»^{II}. Отметим, что, по мнению современного исследователя А. Ю. Андреева, в конце XVIII в. Лейпцигский университет, расположенный в богатом торговом городе, был излюбленным местом обучения европейского дворянства^{III}.

Некоторое время Роман Максимович Цебриков служил в канцелярии киевского губернатора, но в 1779 г., получив от брата, командированного в штаб резидента при дворе крымского хана Шагин-Гирея А. Д. Константинова, 50 рублей, принял решение ехать в Саксонию. Полученных денег было недостаточно, поэтому Р. М. Цебриков согласился быть переводчиком на ярмарках у путивльских купцов. Уже будучи студентом Лейпцигского университета, Роман Максимович продолжал оказывать такие же услуги российским купцам, получая более 500 рублей в год. Эти деньги шли не только на обучение, но и на покупку книг (именно в это время Цебриков положил начало своей обширной библиотеке, приобретя около 1000 книг по философии и «до законов воспитания юношества относящихся»), поддержку родных, а также помощь «бедным соотечественникам и иностранцам», приходившим в Лейпциг для поступления в университет^{IV}.

В Лейпцигском университете, куда Р. М. Цебриков прибыл в 1780 г., он изучал богословие, философию, юриспруденцию, статистику, математику, физику, естествознание, греческий, латинский и древнееврейский языки, совершенствовался в немецком и французском языках^V. Особенно его увлекла философия, наставником в которой стал профессор Э. Платнер,

^I ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 136.

^{II} Там же.

^{III} Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века / А. Ю. Андреев. – М.: Знак, 2005. – С. 186.

^{IV} ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 136 об.

^V Там же, л. 136 об.; Цебриков Р. М. Описание двухлетней петербургской жизни / Р. М. Цебриков // Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. Дневниковые записки Р. М. Цебрикова. 1785–1788 / С. А. Козлов. – СПб., 2009. – С. 85.

преподававший на медицинском факультете. В Лейпциге Р. М. Цебриков занялся литературной деятельностью, подготовив ряд переводов и оригинальных статей. К последним относятся рассуждения «Что есть философия света», «Нерешительный ответ, чему учусь», «Любовь к отечеству или разговор между банкиром и рос[сийским] студентом, в городе Л[ейпциге] обучавшимся» и др.^I

В 1785 г. Р. М. Цебриков окончил курс наук «с похвальным аттестатом». Лейпцигские купцы предложили ему должность присяжного переводчика в городском магистрате с жалованьем 600 рублей в год, но Роман Максимович «из любви к родине своей» отказался от высокооплачиваемой работы^{II}. Свои аргументы в форме полемического диалога между студентом и банкиром он изложил в записке «Любовь к отечеству...»^{III}.

Торопясь послужить Отечеству, Р. М. Цебриков пожертвовал «чувствованиями любви братской», не заехав в Харьков, а выбрав наиболее короткий путь в Санкт-Петербург – морем через Любек^{IV}. Однако уже первые месяцы пребывания в России принесли разочарование: не застав президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова, к которому у него были рекомендательные письма, Р. М. Цебриков с большим трудом устроился на службу в Коллегию иностранных дел актуариусом с годовым жалованием в 120 руб., в то время как «мальчики лет 12, имея выше ... чины, получали жалованье по 300 руб., едва писать умея»^V. Такое «пристрастное раздавание чинов и денег дало ему понятие о связях между собою фамилий и породило в нем презрение к ним, так что во всю свою службу не просил и не добивался ни о чинах, крестах и прибавках жалованья»^{VI}. Роман Максимович сосредоточился на кабинетной работе: он «трудился дни и ночи с утомлением в

^I Козлов С. А. Мир и война, долг и свобода в восприятии писателя и переводчика Романа Цебрикова / С. А. Козлов // Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова... – С. 14–16.

^{II} ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 136 об.–137.

^{III} Цебриков Р. М. Любовь к отечеству или разговор между банкиром и рос[сийским] студентом, в городе Л[ейпциге] обучавшимся / Р. М. Цебриков // Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова... – С. 198–204.

^{IV} Цебриков Р. М. Описание двухлетней петербургской жизни... – С. 82.

^V ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 137.

^{VI} Там же.

течение двух лет» над многочисленными переводами, которые были по достоинству оценены членом Коллегии иностранных дел, тайным советником П. В. Бакуниным. После неожиданной смерти П. В. Бакунина, Р. М. Цебриков сделал еще одну попытку найти высокопоставленного покровителя. Роман Максимович стал бывать в доме вернувшегося в Петербург князя А. Р. Воронцова и по предложению последнего составил записку о заграничной торговле «с указанием выгод для России». Президент Коммерц-коллегии пообещал молодому актуариусу должность консула в Данциге, однако выгодное место получила креатура вице-канцлера, главы Коллегии иностранных дел, графа И. А. Остермана, а сам А. Р. Воронцов вскоре попал в немилость, «и с отъездом его французское слово протекция исчезло из лексикона жизни Романа Максимовича»^I.

Переломным этапом в жизни Р. М. Цебрикова стала русско-турецкая война 1787–1791 гг. В 1787 г. он был назначен сопровождать грузинского посланника к фельдмаршалу Г. А. Потемкину. По прибытии на место Роман Максимович поступил на службу к светлейшему князю «для исправления дел» по Иностранной секретной экспедиции. Р. М. Цебриков был свидетелем взятия Очакова, оставив об этом событии подробные дневниковые записи^{II}, а также принимал участие во взятии крепостей Аккерман, Бендер и др. Под Очаковом, выполняя поручение Г. А. Потемкина, Цебриков осуществил перевод с французского языка антивоенного трактата А. Гудара, который был опубликован в Санкт-Петербурге под названием «Мир Европы не может иначе восстановиться, как только по продолжительной перемирии, или Проект всеобщего замирения...» (1789 г.). Этот перевод был осуществлен с абсолютной точностью, что, по мнению Л. С. Гордона, означало тождественность или большую близость взглядов автора и переводчика^{III}.

^I ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 138.

^{II} Цебриков Р. М. 1788 год. Дневник очевидца / Р. М. Цебриков // Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова... – С. 126–197.

^{III} Гордон Л. С. «Проект всеобщего замирения» Анжи Гудара и его русский переводчик / Л. С. Гордон // Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Жан-Жака Руссо (1712–1962) / Одесса, 16–18 июня 1962 г. – Одесса, 1962. – С. 49.

19 мая 1789 г. по случаю взятия Очакова Р. М. Цебриков был произведен в переводчики, а по заключении мира 12 февраля 1792 г. пожалован чином коллежского асессора и награжден 4500 десятинами земли в Тираспольском уезде, которые сразу же были им проданы. В том же году Цебриков состоял при миссии чрезвычайного и полномочного посла графа Я. Е. Сиверса в Речи Посполитой, выполняя особые поручения. 23 сентября 1793 г. он был произведен в надворные советники, а 23 февраля 1799 г. получил чин коллежского советника. Вскоре Р. М. Цебрикову было поручено «иметь в хранении цифирные ключи, высочайшие указы и другие бумаги, тайн подлежащие» по секретной экспедиции Министерства внутренних дел, а в 1800 г. на него дополнительно была возложена обязанность дважды в неделю просматривать переводы для газет. 23 февраля 1803 г. Цебриков получил чин статского советника. 22 июня 1806 г. «за отличную службу при генерал от инфантерии графе Будберхе и перевод с немецкого Шведской истории Олофа Далина...» Цебриков был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а в 1808 г. – орденом Св. Анны 2-й степени^I.

С 1810 г. и до самой смерти Р. М. Цебриков состоял помощником начальника III Отделения в Комиссии для составления законов, где занимался просмотром переводов молодых сотрудников. Одновременно с 1808 г. по 1813 г. Роман Максимович был личным переводчиком Александра I и в «тяжкие годы» наполеоновских войн через его руки проходила важнейшая корреспонденция^{II}. 1 января 1811 г. Р. М. Цебриков был произведен в чин действительного статского советника, а 1 января 1817 г. представлен к ордену Св. Анны 2-й степени с бриллиантами^{III}.

Среди друзей и знакомых Р. М. Цебрикова, круг интересов которого был очень широк – от философии и юриспруденции до музыки и литературы, были писатели Н. М. Карамзин и Д. И. Фонвизин, драматург и актер П. А. Плавильщиков, экономист и публицист Ф.-Х. Вирст, путешественник И. Ф. Крузенштерн, юрист П. Д. Лодий, мореплаватель и

^I ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 138 об.–139.

^{II} Там же, л. 139–139 об.

^{III} Там же, л. 138 об.

астроном П. Я. Гамалея, композитор Д. С. Бортнянский и др. Не менее интересны его родственные связи: Цебриков был женат на Екатерине Александровне Карауловой, сестра которой, Варвара Александровна, была замужем за генералом от инфантерии А. Я. Княжниным, сыном драматурга Я. Б. Княжнина. По замечанию сына Романа Максимовича, Константина Романовича Цебрикова, его отец «при суждениях не любил спорить, но доказывал свои суждения книгами своей библиотеки». В свое время эта библиотека, состоящая из более чем 10 000 книг, была одной из лучших частных библиотек^I.

На протяжении всей жизни Роман Максимович не оставлял занятий литературой. Помимо уже упоминавшихся переводов трактата А. Гудара «Мир Европы» (СПб., 1789) и многотомной «Истории шведского государства...» У. Ф. Далина (СПб., 1805–1807. Ч. 1–8) были опубликованы его переводы философской и юридической литературы: «Практическая логика, или Деятельное умословие...» П. Вийома (СПб., 1802), «Наблюдение об ощущении прекрасного и возвышенного в рассуждении природы человека вообще и характеров народных особенно» И. Канта (СПб., 1804), «Собрание превосходных сочинений до законодательства и управления государственного хозяйства...» Ф.-Х. Вирста (СПб., 1808), «Уголовное право» П. Фейербаха (СПб., 1810–1827. Кн. 1–3), «Избранные слова» Ж.-Б. Массильона (СПб., 1814) и др. Кроме того, Р. М. Цебриков подготовил «Новейший самоучительный немецко-русский словарь...» (СПб., 1812–1813. Ч. 1–2), а также опубликовал в «Вестнике Европы» (1811. Ч. 58) «Письмо к приятелю», содержащее критический разбор произведений, прочитанных в третьем собрании Беседы любителей русского слова^{II}.

Значительная часть оригинального литературного наследия Р. М. Цебрикова не была опубликована. Особое внимание современные исследователи обращают на статью «Адская политика владетелей тиранов и кроткое им напоминовение человеколюбца» (написана не ранее 1796 г.), в которой автор выступает как противник самодержавного правления, говоря о честолюбии, тщеславии и корыстолюбии государей^{III}. Ряд работ

^I ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, л. 139 об.

^{II} Арзуманова М. А. Цебриков Роман Максимович...; Козлов С. А. Мир и война... – С. 36–39.

^{III} Козлов С. А. Мир и война... – С. 39–40.

посвящены историческим проблемам: «Введение в историю», «Разыскание о введении в России письмен», «О российских историках» (историографический обзор от Нестора до Н. М. Карамзина). Несколько трактатов Р. М. Цебрикова повествуют о литературе, музыке и эстетике: «О различии между поэзией и риторикой, или стихотворством и наукою красноречия», «Для чего люди, слышащие одне и те же самыя музыкальные пиесы, не бывают ими тронуты в равной степени», «Отрывки о музыке», описывающие различные музыкальные жанры – церковную, военную, театральную музыку, песенный фольклор и др., «Три силы душевные», в которых речь идет о силе разума, желания и чувствования, «Мнение об одной критике Московского Меркурия» с размышлениями о принципах критики и ее роли в развитии литературы^I.

Наконец, в его бумагах сохранилось «Письмо к старинному моему приятелю и бывшему некогда соученику, после долговременной службы в С. П. Б. удалившемуся в Киев на жительство и для препровождения остальных дней своей жизни, о поездке моей из С. П. Б. в Х[арьков] для свидания с родным братом моим, не видавшимся с ним двадцать два года». Современный исследователь, С. А. Козлов видит ценность этого сочинения в многочисленных бытовых зарисовках^{II}, однако повествование о поездке из столицы в небольшой провинциальный город содержит гораздо более серьезный и многоаспектный материал, трактуя который, следует учитывать тот факт, что Р. М. Цебриков был не просто знаком с радищевским «Путешествием»^{III}, но, возможно, стал прототипом одного из его героев. В очерке «Подберезье» А. Н. Радищев описывает

^I Арзуманова М. А. Цебриков Роман Максимович...; Козлов С. А. Мир и война... – С. 41.

^{II} Козлов С. А. Мир и война... – С. 39–41.

^{III} В книге Г. П. Шторма «Потаенный Радищев» доказывается, что потомки Цебрикова владели рукописной копией «Путешествия», которая, по всей видимости, ранее находилась в библиотеке Романа Максимовича (См.: Шторм Г. Потаенный Радищев: Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву» / Г. Шторм. – из-е 2-е, испр. и доп. – М.: Сов. писатель, 1968. – 460 с.). Когда была сделана эта копия, неизвестно, но, по мнению А. Г. Татаринцева, Р. М. Цебриков познакомился с радищевским «Путешествием» еще в 1790-х гг., когда оно распространилось в копиях в местах дислокации потемкинской армии (См.: Татаринцев А. Г. Прототипы героев «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева... – С. 92).

встречу с новгородским семинаристом – «молодым человеком» приветливого вида, «взгляда неробкого, вежливой осанки», который обнаруживает знание нескольких языков и знакомство с античной и новейшей литературой и совсем не по-семинаристски рассуждает о просвещении. Автор с сочувствием относится к убеждению «семинариста» в необходимости реформирования системы образования в России, но не разделяет его увлечения масонством^I. По мнению А. Г. Татаринцева, в образе семинариста перед читателями предстает воспитанник Лейпцигского университета Р. М. Цебриков. В пользу этого говорят как уровень образования последнего, так и его знакомство с масонскими сочинениями, которые он использовал в своих трудах^{II}. Кстати, внучка Р. М. Цебрикова, популярная писательница, публицист, литературный критик М. К. Цебрикова (1835–1917), схожим образом характеризовала взгляды своего деда. В воспитании детей тот «держался взглядов, очень редких в то время», ставя целью не карьеру сыновей, а «большое развитие и будущую их полезность России». Кроме того, из слов своего дяди-декабриста (Н. Р. Цебрикова) она заключила, что Роман Максимович «был деистом, с оттенком вольтерьянства»^{III}. Отметим, что воспитание, основанное на идеях выдающегося гуманиста И. Г. Песталоцци принесло свои плоды: старший сын Р. М. Цебрикова, Николай Романович (1800–1862), принял участие в декабристском движении; Константин Романович (1803–1879), оставшись «верен религии «престол–отечество»», дослужился до звания генерал-лейтенанта, был помощником морского министра, но при этом его отличало «настоящее мужество сильной души»^{IV}. Участник Крымской войны Александр Романович (1802–1876) также сделал блестящую карьеру: он

^I Радищев А. Н. Путешествие и Петербурга в Москву / А. Н. Радищев // Фонвизин Д. И. Недоросль / Д. И. Фонвизин. Путешествие из Петербурга в Москву / А. Н. Радищев. Подпись / И. А. Крылов; сост. и сопровод. текст А. Н. Архангельского. – М., 1987. – С. 111–115.

^{II} Татаринцев А. Г. Прототипы героев «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева / А. Г. Татаринцев // Русская литература. – 1972. – № 1. – С. 87–94.

^{III} Цебрикова М. К. Русский человек. Из воспоминаний / М. К. Цебрикова // Современник. – 1911. – Кн. 7. – С. 152–154.

^{IV} Там же, с. 152–153.

вышел в отставку вице-адмиралом. У Р. М. Цебрикова было еще двое детей – сын Иван (родился в 1809 г.) и дочь Наталья (родилась в 1804 г.), в замужестве Алимпиева, но о них мало что известно.

Глава «Подберезье» была написана не ранее 1787 г., когда Р. М. Цебрикову было 25 лет^I. Путешествие из Петербурга в Харьков и обратно состоялось в декабре 1813 – январе 1814 г., за три года до его смерти, поэтому текст воспоминаний аккумулирует в себе весь жизненный опыт автора. Повидав мир, пережив крушение надежд и потерю близкого человека (в 1813 г. умерла жена), Р. М. Цебриков возвращается в город своего детства и юности, чтобы встретиться со своим старшим братом Иваном Максимовичем Цебриковым, который также потерял супругу и, по словам мемуариста, «заклинал меня приехать к нему в последний раз повидаться в сей брэнной жизни, разделить с ним, среди семейства его, общую горесть нашу и узреть остальных его чад, трех племянниц и трех племянников осиротевших по смерти матери их»^{II}. После долгих колебаний, вызванных, с одной стороны, дороговизной путешествия, с другой – беспокойством за детей, оставшихся без матери, Р. М. Цебриков, в конце концов, принял решение о поездке в Харьков.

Приступая к описанию своего путешествия, Р. М. Цебриков отмечает, что во время поездки он ничего «достойного любопытства», кроме расходов, не записывал и, будучи увлечен грядущей встречей с родными, «не обращал на дороге особого внимания на встречавшиеся ... предметы»^{III}. Опираясь исключительно на свою память, Роман Максимович опасается, что «описание мое будет походить на тело без души, на скелет сущий», и просит читателя не требовать от него «живого, картинного поездки моей описания, наполненного чувствами поразительными»^{IV}. Впрочем, знакомство с текстом и условиями его создания позволяет не принимать во внимание жалобы

^I Татаринцев А. Г. Прототипы героев «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева... – С. 94.

^{II} ЦДАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 4 зв.

^{III} Там же, арк. 2, 40 зв.

^{IV} Там же, арк. 2–2 зв.

автора на память, «которая в теперешних летах моих ежечасно мне изменяет»^I.

По-видимому, Роман Максимович принялся за написание мемуаров сразу же по возвращении в Петербург, поскольку в текст включены письмо его брата, написанное в январе 1815 г., а также письмо П. И. Ковалинского от 19 февраля 1815 г. В первом из писем упоминается о новой книге профессора И. Е. Шада «О естественном праве», опубликованной в Харькове в 1814 г., тогда как информации об увольнении и высылке последнего из России в 1816 г. текст воспоминаний не содержит.

На протяжении всего повествования Р. М. Цебриков скрупулезно воспроизводит не только все виденное и слышанное, но также продуманное и прочувствованное: война 1812 года, злоупотребления чиновников, вопросы воспитания – все это становится предметом рефлексии автора. При этом форма «письма», а также изредка употребляемое обращение «любезный друг», скорее всего, являются литературным приемом, который автор использует, чтобы придать своим воспоминаниям задушевность и искренность.

Путь из Петербурга до Харькова лежал через Москву, поэтому в начале своего путешествия Р. М. Цебриков географически следует за А. Н. Радищевым, однако в литературном отношении он абсолютно самостоятелен. Первые страницы его мемуарных записок посвящены, прежде всего, описанию интересных, на его взгляд, мест и встреч: в Тосне он беседует с поляком о трудностях торговли во время войн^{II}; в Спасской Полисти видит рязанского архиепископа Феофилакта и пытается понять причины удаления последнего из Петербурга^{III}; в Валдае восхищается красотой местных женщин^{IV}, в Вышнем Волочке размышляет «о рачительной и неутомимой промышленности нашего народа», развитию которой способствовало строительство каналов^V.

Впрочем, о чем бы ни писал Р. М. Цебриков, в его рассказ постоянно вторгается война. Так, во время переезда

^I ЦДАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 2–2 зв.

^{II} Там же, арк. 9 зв.–10.

^{III} Там же, арк. 13–15.

^{IV} Там же, арк. 19–20 зв.

^V Там же, арк. 20 зв.–21.

из Тосны в Померанье, когда автору «представлялись ... разнородные мысли», мысль о войне вытеснила все остальные. Р. М. Цебриков задается вопросом: «От чего происходят наши кровопролитные брани? Когда мы все суть человеки, все – чада единого премилосердного Отца небесного; мы все веруем в единого Спасителя Господа нашего Иисуса Христа; ... все мы знаем преважное и спасительное предписание библейское: «Не убей»; и убиваем, однако без содрогания и зазрения совести тысячи себе подобных, разумом одаренных тварей...?»^I Далее следуют связанные с этим вопросы: «Для чего предназначающему себя быть воином, образовать, и просвещать разум свой разными познаниями? Для чего ему на сие употреблять прилежание, прилагать старания, для чего трудиться, провождать ночи в бдении, отрекаться от всех мирских удовольствий, по что иждиваться, когда из огнестрельного оружия вылетевшая пуля в единое мгновение ока прекращает все его помыслы, все его действия телесные и душевные, все те пользы, какие бы он, не быв повержен на прах земной смертоносною оной пулей, мог доставить согражданам своим, роду человеческому теми приобретенными им познаниями?»^{II} Позднее, «пересчитавши все известные ... политические причины ... войны наступательной, предупредительной, или даже и оборонительной», автор находит их главного виновника – «честолюбивого властелина», который завидует богатству и процветанию «соседа своего благоденствующего»^{III}.

По мере приближения к Москве, образ войны становится все более реальным: в Твери мемуарист встречает в трактире французских и немецких офицеров – по его мнению пленных, которые судят «о воинских происшествиях»^{IV}; в одной из деревень недалеко от Москвы беседует с «древней женщиной», которая «много повествовала о французах, приходивших в сие место их жилища, разбивших окна, печки, столы и все, чего с собой взять не могли или не хотели»^V. Наконец, перед путешественником предстает Москва – «разоренная,

^I ЦДАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 10.

^{II} Там же, арк. 11 зв.

^{III} Там же, арк. 12.

^{IV} Там же, арк. 26.

^V Там же, арк. 26–26 зв.

опустошенная, выжженная», и автор выражает искреннее соболезнование местным жителям «сего разоренного града, толико прежде величавшегося всем тем, что токмо в нем вмещаться могло духовного и мирского в науках, художествах, разнообразных искусствах, промышленности, рукоделиях, изобилии, сокровищах, богатствах, редкостях всякородных и проч. и проч.»^I.

Р. М. Цебриков сравнивает войну 1812 г. с событиями Смутного времени и, прежде всего, разорением Москвы в 1612 г.^{II} Мемуарист в полной мере осознает значение этого события как для современников, так и для потомков: «Для каждого россиянина, отечество свое любящего, год тысяча восемьсот дванадесятый прибудет навсегда приснопамятною эпохою в его жизни, в жизни любезных ему сограждан и самого позднего нашего потомства»^{III}. Таким образом, он предвосхищает появление богатой мемуарной традиции, связанной с Отечественной войной 1812 г.^{IV}

Эпитеты, которыми Р. М. Цебриков сопровождает сюжеты о войне: «непримиримый враг Европы, всего человечества, адом порожденный Наполеон Бонапарт»^V, «новый, лютый Аттила, новый бич человечества жестокосердый Наполеон Бонапарт со всем своим адским причетом»^{VI}, «враг всего миролюбивого человечества, со своими адскими проходил полчищами», «все описания о пожарах, разорении, грабежах, насильствах и всяких неистовствах, учиненных злочестивыми галлами с дозволения жестокосердого атамана их, бича и Аттилы»^{VII} и т. д., – в полной мере отражают отношение мемуариста к противнику российской армии в Отечественной войне. Он откровенно недолгобливает все французское, и в

^I ЦДАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 27 зв.–28.

^{II} Там же, арк. 27–27 зв.

^{III} Там же, арк. 2 зв.–3.

^{IV} Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1980. – 310 с.

^V ЦДАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 11, 12 зв.

^{VI} Там же, арк. 26.

^{VII} Там же, арк. 28 зв.

дальнейшем во всех виденных им французах видит, прежде всего, шпионов, как в случае с профессором-французом из Харьковского университета^I. При этом войну с Наполеоном Р. М. Цебриков считает личным делом: ее жертвами, по его мнению, стали, как погибший на поле брани племянник, так и умершие вдали от театра военных действий их с братом жены.

По-видимому, война 1812 г. серьезно повлияла на взгляды Р. М. Цебрикова: в записках мы не встретим того «оттенка вольтеррианства», о котором говорит М. К. Цебрикова. Напротив, в разговоре с академиком С. Е. Гурьевым Роман Максимович клеймит «явных кощунств» Ж. Л. Д'Аламбера, Вольтера, Д. Дидро, «издевавшихся ... над всеми святынями веры Евангельской в богомерзких сочинениях своих» и, таким образом, подготовивших «адскую Французскую революцию»^{II}. Отказался автор и от занятий магией и каббалой, которым был привержен в юности^{III}.

Все попытки устроиться в Москве на ночлег оказались неудачными, и в тот же день Р. М. Цебриков со своим спутником, адъюнктом Харьковского университета Н. М. Архангельским, двинулся дальше. Путешественники планировали ехать через Калугу, чтобы побывать в Малоярославце, где состоялась одна из решающих битв Отечественной войны 1812 г., но поддались на уговоры ямщиков следовать по Тверской дороге.

В ходе дальнейшей поездки Р. М. Цебриков продолжает наблюдать последствия войны: выражает сочувствие жителям выжженного французскими войсками Подола^{IV}; слушает рассказы «амазонки» Акулушки о ее военных и конвойных подвигах на станции Лопаснинской^V, но наряду с этим все больше места отводит для описания трудностей пути. Еще в Ялжецах (в 300 верстах от Петербурга) стало понятно, что купленная недешево кибитка, может не выдержать долгой дороги, кроме того с каждым перегоном все труднее становилось найти

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 66 зв.–69.

^{II} Там же, арк. 8 зв.–9.

^{III} Там же, спр. 99, арк. 48.

^{IV} Там же, арк. 30 зв.–31.

^V Там же, арк. 32–33.

лошадей на почтовых станциях, и приходилось пользоваться услугами вольных ямщиков, которые стоили дороже и были менее надежны. При этом мемуарист вспоминает данные ему в Петербурге наставления «обходиться с ямщиками и мужиками потише и ласковее, так как еще не можно было в скорости учредить повсюду надлежащего порядка и благоустройства, а наипаче в местах неприятелем опустошенных, разоренных и выжженных»^I.

За Москвой тяготы дальнего путешествия усиливаются: повсюду их встречают грязные хаты, в которых приходилось ночевать путникам, дороговизна ночлега и еды, отсутствие лошадей на почтовых станциях. Р. М. Цебриков уличает почтовых смотрителей в подделке книг для записей подорожных с целью получения денег от вольных ямщиков и с горечью отмечает «воровство казенного интереса»^{II}. Постепенно рассказ наполняется все большим количеством сюжетов о злоупотреблениях и бездеятельности властей разного уровня. Так, зима 1813–1814 г. была отмечена жестокими морозами и большим снегом, что из-за отсутствия каких-либо дорожных знаков зачастую приводило к гибели путников^{III}. Оплакивая многочисленные жертвы стихии, мемуарист задается вопросом: «Неужели души их [губернаторов – В. И.] не чувствуют, что они были и суть виновники, ничем неизвиняемые, лютой смерти несчастных поселян, и всех путешествующих во время ужасных вьюг по занесенным, глубоким снегам, проезжим дорогам, никакими приметам необозначенным в губерниях, попечению и надзору их вверенных от монарха...?».

Наконец, во второй день Рождества Роман Максимович достигает цели своего путешествия – Харькова. Он находит город весьма изменившимся, в частности его «немало удивило множество каменных домов, где прежде стояли одни только деревянные»^{IV}. Правда, далеко не все изменения были к лучшему: побывав в один из дней в

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 16 зв.–18 зв.

^{II} Там же, арк. 31–31 зв., 36.

^{III} Там же, арк. 37 зв.–38, 42.

^{IV} Там же, арк. 47.

Куряжском Преображенском монастыре, Р. М. Цебриков отметил упадок «сей некогда богатой, а ныне очень скудной обители»¹.

С большой теплотой мемуарист рассказывает о встрече с братом и его семьей. За то короткое время, что Р. М. Цебриков пробыл в Харькове (около двух недель), братья нечасто оставались наедине, но даже те немногие строки, которые посвящены семейной жизни автора, позволяют говорить не только о родственных, но и дружеских, доверительных отношениях между Иваном Максимовичем и Романом Максимовичем Цебриковыми. В свое время И. М. Цебриков взял на себя расходы по воспитанию младшего брата, позднее младший брат дал образование пятерым сыновьям Ивана Максимовича.

Отметим, что именно характеризуя своего брата, Роман Максимович говорит и о собственных убеждениях. Когда в один из вечеров Цебриковы начали обсуждать обстоятельства своей жизни, прежде всего, они вознесли «искреннее и усердное благодарение Творцу всевышнему за все ... ниспослание на нас благодати, руководствовавшей деяниями нашими, никогда чести нашей не запятнавшими», далее, посмеиваясь над своими «значущими» чинами, отметили свое нежелание угождать начальству, нетерпимое отношение ко всякого рода «подношениям» и добросовестное отношение к своему делу². По-видимому, данный вопрос был для автора крайне важен, поскольку подобные характеристики он вкладывает также в уста других героев. Так, некие знакомые («коллежские ассесоры» и «надворные советники») говорят Р. М. Цебрикову, что слышали о нем, как о человеке независимом: «что вы как о чинах, так и об орденах нимало не заботитесь, а получаете их, когда вашим начальникам вздумается их вам дать»; «что вы не искательны и только любите дома заниматься книгами» и т. д.³ Схожим образом аттестуют И. М. Цебрикова некий отставной

¹ ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 99, арк. 14 зв.–17.

² Там же, арк. 12–12 зв.

³ Там же, спр. 45, арк. 50–50 зв.

артиллерийский генерал, по словам которого «ежели бы у всех их в совести недрилась справедливость, и правосудие было бы соблюдаемо ими так, как соблюдает оное Ц[ебриков], тогда бы в наших архивах было мараной бумаги тремя четвертями меньше, и споры, и тяжбы в той же пропорции уменьшились»⁴, и вице-губернатор В. Г. Муратов, который «не преминул ... выхвалить и брата моего службу долговременную, усердную, ревностную, честную и беспорочную»⁵. При этом «чиновники добрые, честные, право-правлящие, правду любящие, к службе государевой ревностные и усердные» никаких наград не имеют, а по службе зачастую продвигаются «одними происками» «совсем неученые и неопытные»⁶.

Несомненно, что подобные убеждения мемуариста переносятся на всех его «героев» (местных чиновников, университетских профессоров, представителей духовенства и купечества): насколько они соответствуют или не соответствуют выстраданному автором «идеалу», тем более, что во время многочисленных визитов ему предоставляется богатый материал для размышлений. Как отметил в один из вечеров Р. М. Цебриков, «во всю жизнь мою, когда я был гораздо моложе, никогда и в самом Петербурге не развозил столько визитов ... чего в сей день я не видел, чего не переговорил, чего не слышался, каких при том не имел чувствований, суждений, размышлений?»⁷

С безусловной симпатией автор рисует харьковское духовенство: епископа Христофора Сулиму, который был в Харькове всеми «уважаем и почитаем» и показался мемуаристу «мужем весьма умным и многосведущим»⁸; «ветхого деньми» протопопа Рождественской церкви, «выстроившего своим старанием и рачением две каменные церкви»⁹; ученого священника Николаевской церкви, который «старанием,

⁴ ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 52–52 зв.

⁵ Там же, арк. 56.

⁶ Там же, спр. 99, арк. 7 зв–8.

⁷ Там же, арк. 10 зв.–11 зв.

⁸ Там же, спр. 45, арк. 65–65 зв.

⁹ Там же, арк. 49–49 зв.

деятельностью и умом своим из сей деревянной церкви создал каменную во вкусе греческих храмов»^I; дьяка Благовещеской церкви, в свое время обучавшего братьев Цебриковых^{II}. Несколько неоднозначную оценку мемуарист дал только настоятелю Вознесенского храма Василию Фотиву, которого он нашел «весьма ловким, развязным, обходительным, и в прямом смысле человеком светским». Впрочем, он отдал должное его образованности и таланту архитектора^{III}.

В среде местного чиновничества, безусловно, одобрительного отзыва заслужили два губернских деятеля: секретарь казенной палаты надворный советник К..., «человек ученый, и притом ловкой», который приходился Цебриковым племянником^{IV}, а также «неутомимый в делах» губернский казначей Р..., любимый за исправность «прежними генерал-прокурорами»^V. Последнему не раз предлагали службу в Петербурге, но он «по любви к простой философской жизни и приверженности к своей родине не променял своего города на столицу». Визит к губернскому казначею, во время которого обсуждалось экономическое положение губернии, по признанию мемуариста, «был для меня самый приятный и самый поучительный»^{VI}.

Ряд чиновников признавались весьма деятельными и относительно честными, как «весьма сведущий в делах» губернский прокурор Любовников, который «не желая сквернить рук своих взятками непозволенными» занимался покупкой и продажей лошадей, что позволяло ему жить безбедно^{VII}, но большинство представителей губернских властей были осуждены мемуаристом за тщеславие, карьеризм, взяточничество и бездеятельность.

Тщеславием чиновники не уступали местной знати: сначала Р. М. Цебрикова поразила запряженная цугом карета

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп 1, спр. 99, арк. 6 зв.

^{II} Там же, спр. 45, арк. 50 зв.–51 зв.

^{III} Там же, спр. 99, арк. 29–33.

^{IV} Там же, спр. 45, арк. 53 зв.

^V Там же, арк. 53 зв.

^{VI} Там же, спр. 99, арк. 7 зв.–8.

^{VII} Там же, спр. 45, арк. 56.

одного из богатейших помещиков Харьковской губернии генерала О. И. Хорвата^I, но затем он с удивлением отметил, что подобным образом передвигаются по городу вице-губернатор В. Г. Муратов^{II} и председатель уголовной палаты Ю. Ф. Минстер, «который хотя только шестого класса чин имеет, но будучи президентом и считаясь в сей должности зауряд с пятиклассными, не оставляет пользоваться правом разъезжать по городу шестернею»^{III}.

Однако подобные проявления ненужной расточительности довольно быстро меркнут перед лицом того беззакония и произвола, олицетворением которого, по мнению автора, был губернатор И. И. Бахтин. Образ, созданный Р. М. Цебриковым, диссонирует и с мемуарной, и с историографической традицией, которые рисуют умного, деятельного, образованного и просвещенного администратора, пользовавшегося доверием императора Александра I^{IV}. Р. М. Цебриков изобразил общее недовольство харьковчан грубым, малообразованным, нерадивым губернатором. Среди прочего, он предложил свою трактовку известной истории, когда представители дворянского и купеческого сословия преподнесли в дар И. И. Бахтину шестьдесят тысяч рублей, которые и были приняты губернатором с дозволения Александра I. По уверениям одного из информантов Р. М. Цебрикова, добровольное согласие на этот дар дали только немногие особы, остальные же считали сей «побор» неуместным и противозаконным, что же касается дозволения государя, то его исходатайствовали покровители и «милостивцы» И. И. Бахтина^V. Далее, иллюстрируя

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 57

^{II} Там же, арк. 56.

^{III} Там же, арк. 57 зв.

^{IV} Багалеї Д. І., Міллер Д. П. Історія міста Харків за 250 років його існування (1655–1905) / Д. І. Багалеї, Д. П. Міллер. – Репригнтне видання: В 2 т. – Т. 2. – Х., 2004. – С. 185–187; Шуринов А. С. Іван Іванович Бахтин (1756–1818) – державний діяч і поет – довіроче лице Александра I / А. С. Шуринов. – [Електронний ресурс] Режим доступу: <http://forums.vif2.ru>

^V ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 59 зв.–60.

крутой и суровый нрав губернатора^I, мемуарист рассказывает об одной из жертв его своеволия – советнике губернского правления Звереве, который в результате неудачного комплимента губернаторше был уволен со службы, под влиянием чего заболел и вскоре умер^{II}. При этом мемуарист дает понять, что таких жертв значительно больше: когда И. И. Бахтин заболел, брат мемуариста заметил, что благодаря этому событию «мы успеем освободить многих из тюрьмы, кои содержатся в оной или совсем понапрасну, или по нерадению нашего начальника»^{III}.

Мемуарист отказывает И. И. Бахтину в каких-либо способностях, и все его успехи связывает с женой, Д. И. Бахтиной, которая, «хотя уже и не слишком молода, но довольно еще сохранила румяную свежесть лица, умеет делать приманчивые улыбки и приятными женскими уловками не скудна». Отдавая должное ее уму и хитрости, Р. М. Цебриков указывает на первостепенную роль Дарьи Ивановны в назначении мужа губернатором^{IV}, отмечает ее значительное влияние на мужа^V, а также намекает на не безвозмездное посредничество последней при решении различных тяжб^{VI}.

В изображении Р. М. Цебрикова под стать губернатору оказываются и многие его помощники: не вызывает симпатии вице-губернатор В. Г. Муратов, «краснобай, низкопоклонец», который любит рассказывать о «своих политических подвигах» в Петербурге^{VII}; гостеприимный и веселый председатель уголовной палаты Ю. Ф. Минстер покровительствует проституции^{VIII}; местный городничий под покровительством губернатора берет взятки и вершит «пристрастные» розыски и «присуждения»^{IX}.

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 58 зв.

^{II} Там же, спр. 99, арк. 9, 29.

^{III} Там же, арк. 11 зв.

^{IV} Там же, спр. 45, арк. 56.

^V Там же, арк. 58–58 зв.

^{VI} Там же, арк. 59 зв.

^{VII} Там же, арк. 52 зв.

^{VIII} Там же, спр. 99, арк. 33 зв.–34.

^{IX} Там же, арк. 21 зв.

Таким образом, злоупотребления становятся одной из ключевых тем «письма» Р. М. Цебрикова. Мемуарист скрупулезно фиксирует все «прегрешения» местных властей: обман жителей, жертвовавших своих лошадей для армии^I; чрезвычайное обогащение чиновников, состоящих в рекрутской комиссии^{II}; растрату казенных денег при осушении улиц и постройке мостов^{III}; «нерадение градоправительства» о чистоте города^{IV}; случившуюся по вине чиновников Валковскую трагедию^V и т. д. Эти злоупотребления не ограничены автором географически, они, по его мнению, царят повсюду. Расспрашивая своего старинного приятеля, приехавшего повидаться с ним из Воронежа, о последних новостях, Р. М. Цебриков узнает о крупных хищениях, в которых замешан воронежский вице-губернатор, что позволяет с горечью заметить: «таковые по управлению злоупотребления оказались в сие время во многих местах России, в такое именно время, когда разгневанная судьба удручала и карала всех ее обитателей то естественными, то нравственными злами»^{VI}.

Мемуарист искренно негодует против всех, кто воспользовался войной для личного обогащения. Так, в доме весьма удачливого и образованного купца В..., который имел «изрядную» библиотеку и был дружен с университетскими учеными, Р. М. Цебриков выступил с обличительной речью против злоупотреблений в торговле^{VII}.

Особое место в записках Р. М. Цебрикова занимает университетская корпорация. Фактически на первых же страницах мы сталкиваемся с сюжетами, связанными с Харьковским университетом. Так, мемуарист совершает путешествие в Харьков в обществе адъютанта Н. М. Архангельского; он цитирует письмо, в котором говорится

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 99, арк. 18 зв.–19.

^{II} Там же, арк. 19–19 зв.

^{III} Там же, арк. 19 зв.–21.

^{IV} Там же, арк. 21–21 зв.

^V Там же, спр. 45, арк. 62–62 зв.

^{VI} Там же, спр. 99, арк. 18–18 зв.

^{VII} Там же, спр. 45, арк. 69–70 зв.

о новой книге профессора И. Е. Шада; упоминает о встречах с университетским капельмейстером И. М. Витковским; детально излагает услышанную от учителей курской гимназии историю увольнения ректора А. И. Стойковича и т. д.

По приезде в Харьков знакомство с университетской коллегией становится более тесным: Роман Максимович несколько раз общается с профессором скотолечения Ф. В. Пильгером (он с сочувствием к профессору пишет о преследованиях, которым тот подвергся вследствие удачной лечебной практики со стороны городских врачей и своих университетских коллег)^I, обедает у профессоров В. С. Комлишинского^{II} и И. М. Витковского^{III}, встречается у харьковского епископа с профессором И. Е. Шадом^{IV}, а у губернатора – с профессором А. А. Дегуровым^V. Мемуарист отдает должное учености харьковских профессоров, но в то же время многое в их поведении осуждает, в частности увлечение иностранцев (А. И. Стойковича, К. К. Нельдехена и И. М. Витковского) «незаконными» торговыми операциями: «подлинно, в X[арько]ве, сем новом вертограде наук, недавно насажденных, многие ученые более помышляют о торговле и скором себе обогащении, нежели о вящем преуспении в науках и знаниях по своей части»^{VI}. Как показывают современные исследования, в Европе подобная деятельность считалась одной из привилегий ученого сословия, но в Российской империи занятие «не своим делом» казалось предосудительным^{VII}.

Интересно, что порицая торговую деятельность профессор-иностранцев, Р. М. Цебриков в то же время с удовлетворением констатирует появление в Харькове разнообразных вин, которыми снабжали харьковчан вышедший

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 48 зв.–49; спр. 99, арк. 4 зв.–5, 11–11 зв.

^{II} Там же, спр. 45, арк. 54–55 зв.

^{III} Там же, арк. 70 зв.–71 зв.

^{IV} Там же, спр. 99, арк. 1–1 зв.

^V Там же, спр. 45, арк. 66 зв.–69.

^{VI} Там же, арк. 71 зв.

^{VII} Университеты в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 549–551.

в отставку А. И. Стойкович и профессор К. К. Нельдехен^I, а также увеличение количества музыкальных инструментов (первый магазин музыкальных товаров открыл в Харькове профессор И. М. Витковский). Кроме того, он отмечает и другие нововведения, которые университет привнес в жизнь города – появление обширного университетского сада, который «в летнее время должен составлять наименее приятную для городских жителей прогулку»^{II}, и «изрядного» студенческого театра^{III}. Вместе с тем университетская коллегия сохраняла и многие традиционные ценности, что нашло яркое отражение в сюжете, посвященном профессору В. С. Комлишинскому, как пишет мемуарист, человеку «придерживающемуся малороссийских обычаев и наречия, остроумному, замысловатому и мне давно знакомому». В доме у профессора придерживались малороссийских обычаев: стол был «совершенно малороссийский», вся семья употребляла «малороссийское наречие», и хотя в доме имелось фортепиано («новая прихоть наших времен»), играли и пели украинские песни^{IV}.

Следует отметить, что говоря о Харькове, автор затрагивает и другие сюжеты: описывает музыкальную жизнь города, вспоминает о детстве и юности (от упоминаний о детских забавах до драматического рассказа о смерти матери), обрисовывает местную торговлю и промышленность (винокурение; воронежские суконные фабрики), но эти сюжеты, хотя и представляют большой интерес для читателя, находятся на периферии внимания автора.

Пробыв в Харькове около двух недель, Р. М. Цебриков, несмотря на уговоры родных и знакомых дожидаться более благоприятной погоды – после сильных морозов началась оттепель – 20 января выезжает в Петербург. Дорога оказалась не просто сложной из-за сошедшего раньше времени снега, но

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 45, арк. 60–60 зв., 64–65.

^{II} Там же, спр. 99, арк. 6 зв.

^{III} Там же, арк. 17 зв.

^{IV} Там же, спр. 45, арк. 54–55 зв.

и опасной: переправляясь через разлившиеся реки, мемуарист не раз рискует жизнью, кроме того, в пути его подстерегает и другая опасность – возможное нападение разбойников. В первый раз Роман Максимович заподозрил в недобром двух коновалов «с предлинными ножами», которые самовольно подсади к нему и провожавшему его брату в кибитку при переправе через реку Муром и сопровождали их до ближайшей станции^I. Второй раз Р. М. Цебриков столкнулся с угрозой разбоя во владениях курского помещика Н. И. Переверзева: получив отказ в ночлеге в селе Рашково, путешественник был вынужден искать постоа в неизвестной ему деревне, в простой деревенской избе, где хозяйничали трое «великорослых» братьев. Всю ночь Роман Максимович беспокоился о своей жизни и о багаже, а утром выслушал рассказ молодой крестьянки о разбоях, творимых крестьянами из соседней деревни, принадлежащей Переверзеву^{II}.

В целом отношение Р. М. Цебрикова к крестьянам скорее настороженно-неодобрительное, чем сочувственное. Еще по пути в Харьков, выслушав жалобы старой крестьянки на притеснения со стороны помещика, мемуарист замечает, что «не всегда можно и крестьянским жалобам верить, ибо бывшим прежде на оброк крестьянам всегда после не нравиться барщина»^{III}. Даже признавая тот факт, что «нередко наделяет чадолюбивая мать Природа обильно своими дарами людей его [крестьянского – В. И.] звания, каковых в жизни моей довольно видеть и знать мне случалось», мемуарист при встрече в одной из деревень со «вторым Ломоносовым» возмущается суждениями последнего о свободе, которые, как он предполагает, были навеяны французскими прокламациями^{IV}. Случайно столкнувшись с закованными в колодки рекрутами, Р. М. Цебриков постарался поскорее избавиться от «поразительного зрелища»^V, а на крестьян,

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 99, арк. 41–43 зв.

^{II} Там же, арк. 56 зв.–60.

^{III} Там же, спр. 45, арк. 26 зв.–27.

^{IV} Там же, спр. 99, арк. 39–40.

^V Там же, арк. 66 зв.–67.

рискующих жизнью, чтобы заработать, переправляя путников через разлившиеся реки, он попросту не обращает внимания, упоминая их лишь вскользь. Правда, предвидя последующие за оттепелью заморозки и, как следствие, возможную гибель озимых, он возносит молитву, прося сохранить труды «несчастливого селянина»^I.

Таким образом, мемуарные записки, обозначенные Р. М. Цебриковым как «письмо» и написанные в форме путевых заметок, имеют сложную жанровую природу: наряду с описанием тех мест, в которых побывал автор, и состоявшихся там встреч, они знакомят читателя с внутренним миром мемуариста, его взглядами и убеждениями относительно многих вопросов, которые волновали его современников. Безусловно, одна из центральных тем, которая соединяет воедино многие сюжеты – это недавно закончившаяся война и ее последствия для Российской империи. В то же время не меньшее, а в некоторых частях записок даже большее внимание автора привлекают сюжеты, связанные с различными «злоупотреблениями», которыми, по его мнению, пронизана вся российская действительность. В этом прототип радищевского «Путешествия» сближается с бессмертным автором этого произведения.

Рассказ мемуариста обрывается на событиях, связанных с возвращением из Харькова в Петербург, в частности, на пребывании в доме врача (инспектора) врачебной управы Андрея Ивановича Беккера в Курске. Вероятнее всего, воспоминания не были закончены вследствие скоростной смерти автора 3 февраля 1817 г., но, возможно, мы имеем дело с неполными копиями: «Письмо к старинному моему приятелю...» Р. М. Цебрикова дошло до нас в незаконченном виде в двух списках: один хранится в ЦГИАК Украины^{II}, другой – в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки^{III}. Как указывает М. К. Цебрикова, когда Роман Максимович умер, «еще не успели обрядить его, как явился

^I ЦДІАК України, ф. 2040 Міллер Дмитро Іванович, оп. 1, спр. 99, арк. 45 зв.–46.

^{II} Там же, спр. 45, арк. 1–72 зв.; спр. 99, арк. 1–70.

^{III} ОР РНБ, ф. 830, Роман Максимович Цебриков, т. 1, лл. 197–324.

адъютант Александра I и, обыскав все ящики письменного стола, забрал все бумаги, кроме малозначущих тетрадей, увез все показать императору. Дед мой вел записки и дневник. Ничто не было возвращено наследникам»¹. Оставшиеся бумаги (всего 4 тома) М. К. Цебрикова в 1889 г. передала в дар Императорской публичной библиотеке (теперь – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург)².

Рукопись Р. М. Цебрикова публикуется по копии, хранящейся в фонде Дмитрия Ивановича Миллера ЦДИАК Украины (Ф. 2040). По-видимому, копия была сделана в начале XX в. в ходе подготовки издания, посвященного 250-летию Харькова³, о чем свидетельствуют карандашные надписи на полях и по тексту рукописи. «Письмо...» публикуется без сокращений, отсутствующие фрагменты обозначены троеточием в квадратных скобках. Текст разделен на абзацы, исходя из его содержания; орфография приближена к современной с сохранением стилистических особенностей, присущих автору; знаки препинания также расставлены с учетом современных правил. Сокращенные слова восстановлены в квадратных скобках. Все исправления, зачеркивания и т. д. обозначены в подстрочных примечаниях.

Составитель сборника выражает искреннюю благодарность всем, кто оказывал помощь в подготовке к изданию данного выпуска «Джерелознавчих зошитів»: начальнику отдела древних актов Центрального государственного исторического архива (г. Киев) О. Б. Вовк, профессору С. И. Посохову, профессору Л. Ю. Посоховой, выпускнице исторического факультета О. И. Красько.

В. Ю. Иващенко

¹ Цебрикова М. К. Русский человек... – С. 154.

² Отчет Императорской публичной библиотеки за 1889 год. – СПб., 1893. – С. 86–91.

³ Багалея Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905) / Д. И. Багалея, Д. П. Миллер. – Репринтное издание: В 2 т. – Х., 2004.

Письмо

к старинному моему приятелю и бывшему некогда соученику, после долговременной службы в С. П. Б. удалившемуся в Киев на жительство и для препровождения остальных дней своей жизни, о поездке моей из С. П. Б. в Х[арьков] для свидания с родным братом моим, не видавшимся с ним двадцать два года

Вы не перестаете укорять меня в письмах ваших за то, что я был в Х[арькове], не посетил вас в Киеве, то есть поленился проехать еще далее пятисот верст, что составило бы, по вашим словам, ровно две тысячи в один конец моего путешествия, представляя в доказательство делаемого вами обвинения, касательно меня, прежнюю мою вящую деятельность того времени, когда я служил по канцелярии походной князя Потемкина при иностранной секретной экспедиции в продолжение другой Турецкой войны, бывшей при Екатерине Великой II-й¹, перелетал каждый год по пяти тысяч верст по должности, кроме заездов в стороны для навещеня приятелей, а может быть и недоброжелателей из одного какого-нибудь тщеславия. На сие скажу вам кратко: тогда и обстоятельства мои, и силы мои, и ум мой, были другие, а теперь, к сожалению брэнного человечества нашего! соделались иными. Не для чего пред вами в сем распространяться: мы сие оба очень хорошо ощущаем, живучи в объятых все – изменяющего, все – преобращающего, хотел было сказать, все пожирающего и поглощающего времени. Сверх того укоряете вы меня еще и неблагодарностью к святому граду вашему за то, что я, будучи так близко от оногo по вашим же словам, не захотел о нем вспоминать, и что будто бы я, как вы заключать изволите, совершенно предал забвению все те удовольствия, коими я некогда в молодых летах моих там обильно наслаждался. Ах!